

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

12(5)
2021

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А.Э. Бедель, М.В. Михеев** — Партийные группы промышленных предприятий СССР в позднесталинский период (на примере Уральского завода тяжелого машиностроения) 4
- Д.Ю. Знаменский, М.И. Смирнова** — Формирование кадровой политики в условиях глобальных вызовов: опыт реформ Петра I 13
- В.С. Брачев, М.Ф. Полюнов** — Выдающийся историк древней и средневековой Руси Игорь Яковлевич Фроянов (1936—2020) 23

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Э.М. Аббасов** — Зарождение и формирование армянского ирредентистского национализма и история одной его провокации в Азербайджане 38

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А.Н. Нестеренко** — Князь Михаил Всеволодович Черниговский 70

СООБЩЕНИЯ

- О.В. Устинова** — Государственная политика в сфере предпринимательства в России: ретроспектива и современность 88
- Н.М. Ладнушкина, А.В. Звонарев, Д.А. Пашенцев** — Становление и развитие института государственного инспектирования в сфере образования в Российской империи XIX — начала XX в. 99

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

Князь Михаил Всеволодович Черниговский

А. Н. Нестеренко

Аннотация. Князь Михаил Всеволодович — один из самых влиятельных князей Древней Руси в канун монгольского нашествия. Его деятельность связана, прежде всего, с Киевом, Черниговом, Галичем. Но ему довелось быть и Новгородским князем, и принимать участие в делах Владимиро-Суздальской Руси. Его сын Ростислав стал зятем венгерского короля, а дочь — женой старшего сына великого князя Владимирского Константина Всеволодовича. Обстоятельства жизни этого князя отрывочны и полны неясностей, потому что о Михаиле Черниговском известно, в основном, из летописей, отражающих позицию его противников в междоусобных войнах: Даниила Галицкого (Галицко-Волынская летопись) и Ярослава Всеволодовича (Лаврентьевская летопись). Обстоятельства смерти князя так же противоречивы, как и события его жизни, и позволяют усомниться в достоверности канонической версии о том, что он был казнен по приказу хана Батые за отказ выполнять языческие обряды. Но, в любом случае, для древнерусского общества его гибель стала ярким примером сопротивления захватчикам, которому большинство князей предпочли ханские ярлыки.

Ключевые слова: Древняя Русь, Михаил Черниговский, Ярослав Всеволодович, Данил Галицкий, феодальная раздробленность, междоусобные войны, западный поход монголов, татаро-монгольское иго.

Abstract. Prince Mikhail Vsevolodovich — one of the most influential princes of Ancient Russia on the eve of the Mongol invasion. His activity is connected, first of all, with Kiev, Chernigov, Galich. But he happened to be a prince of Novgorod and take part in the affairs of Vladimir-Suzdal Russia. His son Rostislav became the son-in-law of the Hungarian king, and his daughter the wife of the eldest son of Grand Duke Vladimir Konstantin Vsevolodovich. The circumstances of this prince's life are fragmentary and full of ambiguities because Mikhail Chernigov is known mainly from the annals reflecting the position of his opponents in the internecine wars: Daniil Galitsky (Galitsky-Volyn chronicle) and Yaroslav Vsevolodovich (Lavrentievsky chronicle). The circumstances of the death of the prince are also controversial, as are the events of his life and make it possible to doubt the authenticity of the canonical version that he was executed by order of Khan Batu for refusing to perform pagan rites. But, in any case, for the Old Russian society, his death became a vivid example of resistance to the invaders, to whom most princes preferred the Khan labels.

Key words: Ancient Russia, Mikhail Chernigovsky, Yaroslav Vsevolodovich, Danil Galitsky, feudal fragmentation, internecine wars, the western campaign of the Mongols, the Tatar-Mongol yoke.

Старший сын одного из представителей ветви князей Ольговичей, стародубского, черниговского и киевского князя Всеволода Святославича Черемного (Рыжего), родился, по предположению В. Н. Татищева, в 1179 году. Мать Михаила — княгиня Мария Казимировна — вскоре умерла от болезни, которая «приключилась от тяжкого рождения сына»¹. Так как в летописях нет свидетельств о рождении первенца у Всеволода, то Татищев считает, что он родился через год после женитьбы князя Всеволода на дочери польского короля Казимира II Справедливого².

О первых двадцати семи годах жизни Михаила ничего не известно. После смерти матери он, видимо, воспитывался при дворе своего отца и с юных лет был его помощником. Впервые Михаил упомянут владимирским летописцем при описании событий 1206 г., когда Всеволод Черемной, «надеясь на свою силу», занял Киев, изгнав оттуда князя Рюрика Ростиславича³. Потом он послал сына в Переяславль, где княжил младший сын великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо Ярослав (будущий отец Александра Невского). Всеволод в ультимативной форме потребовал, чтобы отпрыск великого князя, который неудачно попытался занять галицкий престол, вернулся восвояси: «Поезжай из Переяславля к отцу своему в Суздаль, а Галича не ищи под моей братией. Если не пойдешь подобру, пойду на тебя ратью»⁴. Ярослав, подчиняясь силе, вынужден был покинуть город, а Всеволод посадил на освободившееся место Михаила.

Переяславль-Русский стал первым княжеским столом Михаила, о котором нам известно по летописному свидетельству. То, что Всеволод доверил сыну княжение в третьем по значению, после Киева и Чернигова, городе Приднестровской Руси, свидетельствует о том, что к этому времени Михаил уже стал правой рукой своего отца⁵.

Всеволоду не удалось удержать свои завоевания. В том же году Рюрик Ростиславич, который, по словам Татищева, «питием многим и женами обладан был, мало о правлении государства и своей безопасности прилежал», вернул назад свои владения⁶. Об этом поражении Всеволода с нескрываемой радостью сообщает владимирский летописец, дополняя описание событий евангельскими притчами: «всякий возносящийся смирится, а смиряющийся вознесется», «какою мерою мерите, отмерится и вам»⁷.

Тогда же Всеволод попытался отбить Киев, «соединившись со своей братией» и половцами. Рюрик, не имея достаточных сил для того, чтобы отразить нападение объединенных сил черниговцев и кочевников, затворился в городе. Но, простояв около трех недель под стенами города, Всеволод «возвратился назад, не добившись ничего»⁸. На следующий год (1207) Ольговичи во главе с Всеволодом вновь напали на владения Рюрика. Взяв после трехнедельной осады Треполье, союзники устремились на Киев. «Рюрик же, услышав, что идет на него рать бесчисленная отовсюду, и не было ему ни от кого помощи», бежал из города⁹.

Всеволод вновь занял Киев, «много зла сотворив земле Русской»¹⁰. Но в том же году Рюрик опять взял верх. Ради того, чтобы сообщить это

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского университета Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (МГТУ им. Н.Э. Баумана). E-mail: rockwool@list.ru.

Nesterenko Alexander N. — candidate of philosophical sciences, associate professor of Bauman Moscow State Technical University (BMSTU). E-mail: rockwool@list.ru.

радостное известие, владимирский летописец даже прервал рассказ о походе своего великого князя на Рязанское княжество ¹¹.

Киевляне, в отличие от приближенных владимирского князя, не считали Всеволода источником зла, и сразу после смерти Рюрика Ростиславича в 1211 г., послали к нему просить на великое княжение ¹². Галицкий летописец дополняет свидетельство о занятии Киева Всеволодом ремаркой о том, что этот князь «очень любил детей княгини Романовой». В связи с этим, можно предположить, что тогда же был заключен брак его сына Михаила со сводной сестрой Даниила Галицкого, дочерью его отца от первого брака ¹³. В этом браке родились дочери Феодулия (будущая святая Евфросиния Суздальская) и Мария (будущая княгиня ростовская), а также сыновья: Ростислав (будущий зять венгерского короля Белы IV), Роман (будущий князь брянский), Семён (родоначальник князей глуховских), Мстислав (родоначальник князей карачевских) и Юрий (родоначальник князей тарусских) ¹⁴.

Всеволод Черемной был Киевским князем до 1214 г., когда смоленские князья во главе с Мстиславом Романовичем Старым, к которым присоединился Мстислав Удалой с новгородцами, «начали воевать по Днепру города черниговские и взяли Речицу на щит и иные города черниговские» ¹⁵. Всеволод бежал из Киева «за Днепр» и укрылся в Чернигове ¹⁶. После двенадцатидневной осады он вынужден был сдаться, отказавшись от своих притязаний на Киев ¹⁷.

Сообщение Новгородской летописи о бегстве Всеволода из Киева за Днепр — последнее летописное упоминание об отце Михаила. В следующем году, по мнению Татищева, он умирает, а черниговский престол, согласно лествичному праву, переходит к его брату Глебу Святославичу ¹⁸.

Об участии Михаила Всеволодовича во всех этих событиях летописных свидетельств не сохранилось. Но, очевидно, что все это время он был рядом с отцом и, таким образом, являлся одним из зачинщиков и главных участников продлившейся сорок лет междоусобной войны за наследство «самодержца всея Руси» — галицко-волынского князя Романа Мстиславича, погибшего в битве при Завихосте (1205 год) ¹⁹. В этой войне противниками Михаила Всеволодовича стали старший сын Романа Мстиславовича — Даниила Галицкий — и третий сын великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо — Ярослав, чье место занял Михаил в Переяславле. И это соперничество сохранялось до конца его жизни.

Во время киевского княжения Всеволода Черемного произошло еще одно событие, которое оказало большое влияние на судьбу Михаила: его сестру княгиню Агафью выдали замуж за второго сына великого князя Владимирского Всеволода III — Юрия, которому в обход старшего брата Константина отец отдал великокняжеский престол ²⁰. Марии суждено было погибнуть при взятии Батыем Владимира. Но, благодаря этому браку, Юрий с Михаилом в дальнейшем будут выступать как союзники ²¹.

В 1227 г. этот династический союз был укреплен браком дочери Михаила Марии с племянником Юрия, ростовским князем Васильком Константиновичем ²². Согласно рассказанной Татищевым романтической истории, Юрий, видя, что племянника пора женить, согласно завещанию его отца, послал его с боярами в Смоленск, Чернигов и к другим кня-

зьям под видом «свидания», а в действительности — с целью выбрать себе невесту «где полюбится». Василько выбрал дочь Михаила. Вопреки обычаю, по которому венчание происходит при дворе жениха, по настоятельной просьбе шурина, Юрий согласился, что венчание пройдет в Чернигове, и послал туда сына Всеволода и знатных бояр владимирских и ростовских с женами. Потом ответная делегация черниговских бояр сопровождала молодых во Владимир, где Юрий устроил пир и богато одарил гостей ²³.

Другая дочь Михаила — Феодулия, согласно ее ареографическому Житию, была посватана в возрасте пятнадцати лет за суздальского князя Мину Ивановича, который «умолил дарами великими» родителей Феодулии выдать ее за него ²⁴. Возможно, Мина познакомился с Феодулией во время свадьбы ее сестры, находясь в свите князя Василько. Княжна приехала в Суздаль, чтобы выйти замуж за Мину, но он неожиданно умер, и Феодулия приняла решение не возвращаться домой, а принять монашеский постриг. Остаток дней она провела в суздальском Ризположенском монастыре под именем Ефросинии ²⁵.

Все эти события свидетельствуют о том, что после того, как Михаил занял Черниговский престол (1223 г.) между дворами великих князей Владимирского и Черниговского установились доверительные отношения, которые могли привести к созданию союза, способного противостоять нависшей угрозе со стороны Монгольской империи. Понимая всю опасность такого сближения двух самых сильных и значимых княжеств на Руси, монголы, используя противоречия между князьями, сделали все, чтобы этот союз не состоялся и, как показало время, достигли в этом успеха.

Следующее упоминание Михаила Всеволодовича относится к 1223 г., когда южнорусские князья по призыву Мстислава Удалого собрались в Киеве на совет, на котором было принято решение выступить с половцами против монголов ²⁶. Галицкий летописец относит Михаила к «младшим» князьям, называя его вторым после Даниила Романовича. Татищев пишет, что Михаил шел на Калку «с новгородцами», что может означать, что в это время он княжил в Новгороде Северском ²⁷. К этому времени Михаил уже стал вторым по старшинству князем среди Ольговичей — после своего дяди, черниговского князя Мстислава Святославича.

Таким образом, с 1179 до 1223 г., т.е. на протяжении сорока четырех лет, о Михаиле Всеволодовиче упоминают только три летописных свидетельства (если считать занятие Переяславля и изгнание из него в том же году за два события) ²⁸.

После 1223 г. начинается период активной деятельности Михаила, о котором сохранилось наибольшее количество свидетельств. Мстислав Святославич вместе со своим старшим сыном погибают в битве на Калке. Михаил становится старшим среди Ольговичей и в 1224 г. занимает черниговский стол ²⁹. В течение следующих пятнадцати лет, до монгольского нашествия на Русь, Михаил, в силу своего положения в иерархии Рюриковичей, оказывается в эпицентре политической жизни. Его влияние распространяется не только на Киев и Чернигов, но и на Галич, Новгород, Владимиро-Суздальское княжество. Весь этот период проходит в распрях между Михаилом, Ярославом и Даниилом. По мнению Дж. Феннела,

результатом этого соперничества стало то, что «многие князья и большинство южных княжеств: Киевское, Черниговское и, особенно, Галицкая земля — были вовлечены в жестокую непрекращающуюся междоусобную борьбу, которая ослабила их политически и сделала два из них, Черниговское и Киевское, легкой добычей для любого захватчика»³⁰. С подобной оценкой уважаемого оксфордского медиевиста позвольте не согласиться. Среди русских городов именно города киевской и черниговской земель, начиная с героической обороны Козельска, оказали самое решительное и ожесточенное сопротивление монголам. Другое дело, что свидетельством этого подвига в основном служат данные археологических исследований, да названия городов, от которых остались лишь упоминания в летописях.

В 1224 г. Михаил помог своему шурину Юрию Всеволодовичу в конфликте с Новгородом, откуда был изгнан его сын Всеволод, матерью которого была сестра Михаила княгиня Агафья. Михаил прибыл в Торжок, где союзники вступили в переговоры с новгородскими послами. Чтобы избежать войны, Юрий вынужден был пойти с новгородцами на компромисс, одним из условий которого стало то, что он предложил им своего шурина в качестве князя³¹. Татищев пишет, что новгородцы долго не хотели принять Михаила, но, в итоге, вынуждены были согласиться³².

Погодную запись 1225 г. новгородский летописец начинает с сообщения о том, что Михаил занял новгородский престол и «было легко по волости и по городу»³³. Любовь строптивного Новгорода Михаил заслужил тем, что добился от Юрия возврата товаров новгородских купцов, которые великий князь владимирский захватил в ходе прошлогоднего конфликта. По Татищеву, Михаил сразу прибыл в Новгород с имуществом ограбленных Юрием купцов, собрал вече и объявил, что возвращает все в целости чтобы «все его к ним доброхотство ведали и впредь в памяти имели»³⁴.

Тем же летом Михаил объявил, что не хочет княжить в Новгороде и возвращается в Чернигов. При этом он предложил новгородцам заключить торговый договор, предусматривавший отмену пошлин и режим свободной торговли: «вы ко мне гостей пускайте, а земля моя, как земля ваша, а ваша, как моя». Новгородцы не смогли уговорить князя остаться и проводили «с великой честью»³⁵. Н. М. Карамзин поступок Михаила объясняет тем, что он «считал себя пришельцем в северной России. Выехав из Чернигова в то время, когда Татары приближались к Днепру, он стремился душою к своей отчизне, где снова царствовали тишина и безопасность»³⁶. На княжение в Новгород пришел Ярослав Всеволодович.

В 1226 г. уже Юрий со своими племянниками (сыновьями Константина) помог Михаилу против Олега Курского, который, видимо, высказал претензии на Черниговский стол³⁷. Татищев полагает, что в этом конфликте Михаил был неправой стороной. Олег Игоревич после битвы на Калке, «видя Чернигов без князя, ибо он был старейший в роде, взял оный а Михаилу Всеволодовичу дал удел»³⁸. В свою очередь, Михаил, «почитая себе за обиду отцовского лишиться, но не имея силы оное войной достать, послал просить зятя, великого князя Юрия, в помощь»³⁹. При посредничестве Юрия, Владимира Рюриковича Киевского и киевского митрополита Кирилла удалось уладить миром этот внутрисемейный кон-

фликт по поводу старшинства между Ольговичами «и не дать им кровопролитие сотворить, но смирить их и в любовь ввести»⁴⁰. Олег уступил Чернигов Михаилу, «взяв другие города, как при отце его было»⁴¹. Эта междоусобица, возможно, свидетельствует о том, что Михаил не стал черниговским князем сразу после битвы на Калке. По старшинству право на черниговский престол могло перейти к старшему сыну старшего брата отца Михаила — князю Константину Олеговичу, после смерти которого в 1226 г. и возник вопрос о том, кто из Ольговичей теперь должен стать черниговским князем⁴².

Татищев приводит слова митрополита Кирилла, который обращается к Юрию Всеволодовичу с призывом прекратить княжеские междоусобицы и жить «в любви и согласии, как отцы и деды», которые «распространили и населили землю Русскую... совокупно против неприятелей русских воевали, и никто против них воевать не смел и не мог». Теперь же, когда брат начал воевать с братом, многочисленные внешние враги стали отнимать и опустошать «пределы древние». Поражение от татар на Калке, по словам Кирилла, тоже произошло «единственно от несогласия князей»: «одному трудно против многих оборонятся, как бы храбр и силен он не был». Митрополит призывает князей «оставить вражду и жить в мире»⁴³. Как показало время, этот совет не был услышан. Даже во время нашествия Батые князья боролись между собой за власть и вместо того, чтобы объединиться против общего врага, переходили на его сторону.

В 1228 г. умирает Мстислав Удалой, завещав Галич мужу своей младшей дочери — венгерскому королевичу Андрею⁴⁴. Это послужило поводом к началу нового этапа междоусобной войны в галицко-волынской земле. Киевский князь Владимир Рюрикович, видимо желавший отомстить Роману Галицкому и его сыновьям, организовал поход на владения Даниила Романовича. Михаил присоединился к великому князю киевскому. Его участие в этой войне галицкий летописец объясняет тем, что Михаил «имел великую боязнь в своем сердце: “Потому что его отец постриг в монахи моего отца”»⁴⁵. Ошибка это переписчика или умышленная клевета, но на самом деле не Михаил, а Владимир Рюрикович «вздумал мстить сыну за отца: известно, что Роман Галицкий силою постриг некогда Рюрика. Тщетно митрополит старался прекратить сию вражду. “Такие дела не забываются”, говорил Владимир, и собрал многочисленное войско»⁴⁶.

Союзное войско нескольких русских князей, к которым присоединились половцы и венгры с галицкими боярами, осадили Каменец⁴⁷. Этот стратегически важный город-крепость волынской земли упоминается в Ипатьевской летописи с 1196 по 1240 г. шесть раз. Из сообщения 1235 г. следует, что он расположен на реке Хоморе или в ее бассейне⁴⁸. Из сообщения 1240 г. — что Каменец расположен по соседству с городом Изяславлем (современный Изяслав Хмельницкой обл.)⁴⁹. Исходя из этого, можно предположить, что летописный Каменец — это село Каменка на границе современных Житомирской и Хмельницкой областей Украины⁵⁰.

В том же году Ярослав Всеволодович отозвал из Новгорода в Переславль-Залесский своих сыновей и бояр⁵¹. Новгородцы учинили вече и послали за Михаилом. «И как послы шли мимо Смоленска, слыша князь смоленский, что Ярослава новгородцы оскорбили, велел послов

оних, поймав, посадить под стражи»⁵². Новгородский летописец прямо указывает на то, что послов не пропустили «по научению Ярослава»⁵³. Михаил, узнав об этом, поспешил к новгородским пределам.

В 1229 г., к радости новгородцев, несмотря на препятствия со стороны Ярослава Всеволодовича и смоленских князей, Михаил пришел в Новгород⁵⁴. Он произвел ряд радикальных экономических реформ, облегчавших положение простого народа. По словам Татищева, Михаил исполнил все то, «что новгородцы желали, и чего прежде не один князь не делал»⁵⁵. В том числе, он освободил смердов от податей сроком на пять лет, начал строительство нового моста через Волхов, велел собрать на него деньги с «друзей ненавистного Ярослава»⁵⁶, которых, тем самым, спас от грабежа и самосуда от рук пострадавших от их притеснений новгородцев⁵⁷.

Ярослав Всеволодович воспринял происходящее как личное оскорбление и даже обвинил старшего брата в том, что его изгнали из Новгорода, а на княжение посадили Михаила по «промыслу» Юрия⁵⁸. Новгородцы, в свою очередь, настаивали на том, чтобы Михаил начал войну с Ярославом за Волок Ламский⁵⁹. Михаил воевать не хотел. Направив к Ярославу послов с требованием уйти из Волока, он, оставив в Новгороде сына Ростислава, вернулся в Чернигов, взяв с собой «для совета или в залог народной верности» шестерых знатных новгородцев, перечисленных летописцем по именам⁶⁰. Ярослав, узнав о требовании вернуть Волок, ответил отказом, заносчиво заявив, чтобы Михаил сидел в Новгороде и был доволен тем, что имеет⁶¹.

В 1230 г. Михаил на несколько дней прибыл в Новгород, чтобы продемонстрировать намерение сохранить за собой новгородский престол, провел в Софийском соборе символическую процедуру пострига своего сына на княжение и вновь вернулся в Чернигов⁶².

Таким образом, Михаил пытался успокоить новгородцев, требовавших от него решительных действий против Ярослава с целью освобождения Волока-Ламского. Но Михаил не мог исполнить это требование т.к. митрополит Кирилл, князя Юрий Всеволодович и Владимир Рюрикович заставили его примириться с Ярославом и не начинать новой войны⁶³.

Такое положение дел не устроило новгородцев, считавших что Михаил, пойдя на компромисс с Ярославом, предал их интересы. В Новгороде начался мятеж. Ростислав Михайлович с посадником покинули город и укрылись в Торжке. Это послужило сигналом к началу беспорядков. По городу прокатилась волна насилия, сопровождавшаяся убийствами и грабежами. Сторонники Михаила, спасая свои жизни, бежали из города: кто — в Торжок к его сыну, кто — в Чернигов⁶⁴. Власть в Новгороде перешла к сторонникам Ярослава, которые призвали его на княжение. Ростиславу «показали путь» из Торжка к отцу в Чернигов, вменив Михаилу в вину нарушение клятвы начать войну за Волок⁶⁵.

В 1232 г. бежавшие в Чернигов новгородцы попытались вместо Ярослава поставить на княжение своего ставленника, князя Святослава Трубчического, но тот вначале дал свое согласие, потом передумал ввязываться в эту авантюру с непредсказуемыми последствиями. Не добившись успеха в Новгороде, новгородские диссиденты сместили наместника Ярослава в Пскове. Ярославу удалось подавить этот мятеж⁶⁶. В ответ он, объеди-

нившись с Юрием и своими племенниками Константиновичами, пошел войной на Чернигов ⁶⁷.

Владимирский летописец сообщает, что Юрий дошел только до пограничного Серенска и, передумав участвовать в этом походе, вернулся во Владимир. Ярослав же с племянниками сожгли город «и еще много воевали, возвратились восвояси» ⁶⁸. Карамзин объясняет участие Юрия в этом походе на владения своего шурина так: «Михаил Черниговский, несмотря на заключенный мир в Владимире, дружелюбно принимал Новгородских беглецов, врагов Ярославовых, обещая им покровительство. Сам Великий Князь Георгий оскорбился сим криводушием и выступил с войском к северным пределам Черниговским...» ⁶⁹ Так или иначе, но попытка Ярослава поссорить Юрия с Михаилом не удалась. Но удалась интрига, которую, видимо, затеял Даниил Романович: он настроил против Михаила киевского князя Владимира Рюриковича. В 1235 г. Даниил и Владимир, разорив черниговские земли, осадили столицу княжества.

По мнению Татищева, причиной начавшейся в канун нашествия Батяя междоусобицы, когда русским князьям следовало бы не воевать между собой, а «о грехах прежних каяться, любовь совершенную и мир иметь», стало то, что «злые льстецы» убеждали своих князей, что именно им следует владеть Киевом, как старшему среди Рюриковичей ⁷⁰. Владимир Рюрикович, уверенный в том, что Михаил Черниговский и смоленский князь Изяслав Мстиславич, договорились против него и ждут удобного времени, чтобы напасть на Киев, решил нанести превентивный удар ⁷¹.

Эта междоусобица закончилась полной победой Михаила над его противниками: Владимир Рюрикович потерял Киев, а Даниил — Галич. Новгородская летопись подробно описывает ход этой войны, целиком посвятив ей погодную запись о событиях 1235 года. Причины конфликта летописец, не беря на себя ответственности объявлять правых и виноватых, объясняет происками «окаянного всепагубного дьявола», который устроил крамолу между русскими князьям и радовался кровопролитию христианскому ⁷².

Татищев так описывает ход военных действий: с большим войском Владимир и Даниил подошли к Чернигову. Михаил вышел из города и дал им бой, но был разбит и вынужден отступить под защиту городских стен. Видя что «силою противиться не может», Михаил прибегнул к хитрости, послав к Даниилу якобы просить о мире, а на самом деле — для того, чтобы подкупить его бояр, которые должны были убедить его «отстать» от Владимира. Даниил, по совету «злых своих советников», «отступил» от Владимира. Михаил тотчас воспользовался этим и ночью напал на полки Даниила, разбив их. «Даниил сам спасся, а Владимир, не ожидая себе такого ж приключения, возвратился в Киев» ⁷³. К Михаилу тем временем подошел смоленский князь Изяслав с половцами, и они приступом взяли Киев. Учинив в городе «великое разорение», половцы вернулись в степь «со множеством пленников и богатством». В плен взяли и князя Владимира с княгиней, что стало вторым случаем в истории, когда русский князь оказался в половецком плену.

Михаил, отдав разоренный Киев Изяславу, пошел на Галич и занял его ⁷⁴. Пока он воевал за галицкую землю, в его владения вторгся Ярослав

Всеволодович, который разорил черниговскую область и, взяв «тяжкие окупы» с городов, сел на княжение в Киеве ⁷⁵. Новгородский летописец относит это событие к 1236 году ⁷⁶.

Галицкий летописец, излагая свою версию этих событий, называет виновниками войны Михаила и Изяслава. В 1234 г., по инициативе Владимира Рюриковича, который прислал в Галич к Даниилу своего сына, между сторонами был заключен союз «на братство и любовь великую» ⁷⁷. Михаил и Изяслав, узнав о сговоре Даниила с Владимиром, осадили Киев. Киевский князь просил Даниила: «Помоги мне, брат!» «Даниил по большой любви, скоро собрав полки, пошел». Михаил при его приближении «не выдержал и ушел от Киева». В свою очередь Данил с Владимиром вторглись в черниговскую землю, «захватили многие города» и осадили Чернигов. «Бой у Чернигова лют, даже таран против него поставили, метали камни..., а камень был таков, что поднять его под силу было четырем мужам сильным» ⁷⁸. Несмотря на жестокую осаду, взять город не удалось и союзники, заключив мир с Михаилом, вернулись к Киеву. В это время Изяслав привел на Киев половцев. В «лютой сече» под Торческом половцы разгромили Даниила и Владимира. Даниил бежал в Галич, где, при известии, что Изяслав с половцами идут на Волынь, против него вспыхнул мятеж. Даниил, «узнав про мятеж, ушел в Угорскую землю». В течение следующего года он безуспешно пытался отбить Галич, но не достиг успеха: и были «то мир, то война» ⁷⁹. Михаил сидит в Галиче, но, узнав о том, что Ярослав Всеволодович оставил Киев, занял освободившийся престол, на котором и оставался до появления под стенами города отряда хана Менгу в 1239 году ⁸⁰.

Таким образом, до падения Владимира Михаил находился в Галиче и не мог оказать помощь ни своим союзникам — рязанским князьям, ни шурина Юрию, так как находился в окружении врагов — Даниила на Волыни и Ярослава в Киеве, постоянная угроза нападения которых принуждала Михаила стоять на страже своих владений ⁸¹.

Когда именно Ярослав покинул Киев и при каких обстоятельствах — неизвестно. Ипатьевская летопись сообщает, что Ярослав «взял Киев у Владимира [Рюриковича, выкупленного из половецкого плена], но не смог его удержать и пошел снова в Суздаль», чем воспользовался Михаил, «взяв у него [Ярослава] Киев», оставив в Галиче своего сына Ростислава ⁸². Хронологически это сообщение целиком относится к записи 1236 г., вмести в себя события следующих двух лет. Из сообщения Лаврентьевской летописи известно, что Ярослав вернулся во Владимир после гибели своего старшего брата Юрия на реке Сить и ухода монголов в степь в начале 1238 года ⁸³. По Воскресенской летописи, Ярослав переждал нашествие в Киеве и вернулся во Владимир, чтобы занять освободившийся великокняжеский престол в начале 1238 года ⁸⁴. Подтверждается это предположение и тем, что в новгородской летописи, в следующий раз поле 1236 г. Ярослав упомянут только в погодной записи 1240 года ⁸⁵.

Дальнейшие события, связанные с нашествием Батыя на Киевское и Черниговское княжества, отражены в источниках отрывочными и противоречивыми фрагментами, которые вызывают вопросы, но не дают на них ответа. Поэтому их реконструкция носит гипотетический характер.

После разгрома владимирского войска на реке Сити, единственным препятствием монголов на пути в Венгрию стали объединенные под властью Михаила киевское, черниговское и галицкое княжества. Монголы понимали, что, если Михаилу удастся собрать силы этих княжеств в единый кулак, он может нанести им военное поражение.

Прежде, чем пойти на Киев, монголы провели операции по уничтожению важнейших центров киевской и черниговской земель. Свой первый удар (после Козельска) они нанесли в 1239 г. по Переяславлю. В сообщении Ипатьевской летописи о захвате этого города есть необычная подробность: были разрушены не только весь город, но и церковь архангела Михаила — одна из крупнейших каменных построек своего времени на Руси.⁸⁶

Ее размеры сопоставимы с размерами такого масштабного сооружения как Софийский собор в Новгороде. Храм находился в центре переяславского детинца, по соседству с укрепленным каменной стеной и башней епископским двором⁸⁷. Вместе эти каменные сооружения представляли собой цитадель, которую защитники города могли использовать как последний оборонительный рубеж. Этот единственный зафиксированный в источниках прецедент разрушения каменного храма в ходе монгольского нашествия свидетельствует не только о том, что город оказал упорное сопротивление, но и том, что его каменные стены захватчики рассматривали как угрозу их тылам в ходе предстоящего похода на Киев⁸⁸.

Михаил, видимо, пытался оказать помощь защитникам Переяславля. Он послал в Галич к сыну за помощью, и Ростислав повел дружину и галичан на помощь отцу. Свидетельством этого служит рассказ галицкого летописца о том, как Даниил взял Галич, воспользовавшись тем, что Ростислав со «всеми боярами и конницей» «вышел в степь» «на литву». Ростислав же, когда узнал об этом, «побежал в Угорскую землю»⁸⁹. Помещен этот рассказ сразу после сообщения о занятии Михаилом Киева (т.е. в конце 1238 — начале 1239 г.). Спрашивается: если Ростислав пошел в степь, то почему на литву, которая обитала в противоположном направлении — в прибалтийских лесах? Почему, узнав о потере Галича, Ростислав бежал в Венгрию, а не обратился к отцу за помощью против Даниила? Попробуем ответить на эти вопросы. Ростислав увел войско из Галича «в степь» как раз в то время, когда Переяславль осаждали монголы. Он повел дружину к отцу, но тот вынужден был остаться в Киеве, опасаясь, что Даниил займет город как только его защитники выйдут навстречу монголам, так же, как это произошло с Галичем до этого. Переяславль пал, не получив помощи. Затем настал черед Чернигова. Михаил вновь не смог оказать помощь осажденным. Он вынужден был оборонять Киев, которому угрожали не только Даниил или один из монгольских отрядов, но и Ярослав. В то время, когда монголы штурмовали Чернигов, Ярослав напал на «самую западную заставу на территории Киевского княжества» — Каменец, в который Михаил «вывез свою жену с ее свитой», потому что оставаться в столице было опасно⁹⁰.

Возможно, настоящей целью этого похода Ярослава как раз и был Киев, но, побоявшись напасть на город, в котором остался Михаил, он взял в заложники его жену⁹¹. Возникает вопрос: зачем? Заложников монголы использовали, чтобы сломить волю к сопротивлению защитников

осажденных городов. С помощью пленной княгини они надеялись заставить Михаила признать власть Батыея и сдать Киев ⁹². Действия Ярослава против Михаила были согласованны не только с монголами, но и с Даниилом. Об этом свидетельствует формулировка просьбы Даниила к Ярославу об освобождении сестры: «Михаил замышляет против нас обоих». В контексте событий это надо понимать как констатацию того, что Михаил — общий враг, для победы над которым хороши все средства, в том числе — союз с монголами ⁹³.

После падения Чернигова под стенами Киева появился монгольский отряд хана Менгу (в летописях Менгу-хан). Как сообщает Никоновская летопись, хан предлагал Михаилу свою дружбу и советовал «повиниться» и «поклониться царю нашему Батыю», если он не хочет чтобы «разорен был град этот и место это» ⁹⁴. Но на предложения подчиниться хану Михаил ответил решительным отказом, объяснив его тем, что не может признать власть иноверца. Менгу, разъяренный отказом, попытался выманить Михаила из города якобы для новых переговоров, но князь, распознав обман, приказал перебить ханских послов, а затем, испугавшись содеянного, бежал из Киева; татары гнались за ним, но не смогли настичь ⁹⁵. По мнению ряда историков, сообщение об убийстве послов является позднейшей выдумкой «с целью дискредитации» Михаила ⁹⁶. Но, если говорить о дискредитации, то она прослеживается только в Ипатьевской и Лаврентьевой летописях. Выдумка про убийство послов возникла в летописных сводах тогда, когда Михаил уже был прославлен как святой, чтобы подчеркнуть его бескомпромиссную позицию по отношению к захватчикам: он приказывает казнить послов, понимая какие это может иметь лично для него последствия. Не случайно, в Ипатьевской летописи не говорится об убийстве послов, а только о том, что Менгу хотел «обольстить» Михаила и киевлян, а в Лаврентьевской вообще нет эпизода о попытке монголов убедить Михаила признать власть хана, который в невыгодном свете выставляет Даниила и Ярослава ⁹⁷.

К попытке дискредитации Михаила следует отнести сообщение галицкого летописца о том, что его «большой обоз» был ограблен около города «Середа» «немцами», которые «перебили его людей, отняли много добра и убили его внучку» ⁹⁸. Вряд ли разбойники или бюргеры рискнули бы напасть на княжеский обоз, в котором вместе с Михаилом были его бояре и дружинники — опытные и хорошо вооруженные профессиональные воины.

Вернемся под стены Киева. Михаил, единственный из оставшихся в живых русских князей, отказался признать власть монголов. Помощи ждать было не от кого. Многолетний владимирский союзник Юрий Всеволодович был предательски убит. Чернигов — разорен монголами. Главная крепость на рубежах киевской земли Переяславль — разрушена. Западная цитадель Каменец — захвачена врагами, а его жена находилась в руках его врагов. Даниил Романович, Ярослав Всеволодович и смоленские князья признали власть хана Батыея ⁹⁹. Ярослав, благодаря союзу с монголами, не только получил великий владимирский стол своего старшего брата, но и Киев, став «старшим» среди русских князей. Выгода Даниила от союза с Батыем тоже очевидна. Руками монгол он уничтожил своих политических противников, после чего возвратился на княжение,

приветствуемый жителями разоренных монголами городов как меньшее из двух зол. Монголы, тем временем, всей своей мощью обрушились на соперника Даниила в борьбе за Галич — Венгрию.

Понимая, что в одиночку он не сможет отстоять Киев, Михаил, надеясь найти союзников против монгол, отправился к венгерскому королю Белле IV. В интерпретации галицкого летописца: «бежит вслед за сыном своим от татар в Угорскую землю»¹⁰⁰. Венгрия, как это было известно и русским князьям и Белле IV из посланий Батыя, должна была стать следующей целью монгольского похода¹⁰¹. Поэтому логично было предположить, что венгры охотно пойдут на создание антимонгольской коалиции, которую можно скрепить династическим браком дочери венгерского короля с сыном Михаила Черниговского. Надежда на то, что венгры помогут в борьбе с монголами, в окружении Михаила была столь велика, что породила легенду о том, что Батый был убит венгерским королем, которая читается в Житии его дочери¹⁰².

Вслед за Михаилом, после того как монголы взяли Киев и вошли в пределы галицко-волынской земли, в Венгрию отправился и Даниил¹⁰³. По мнению Карамзина, в Венгрию Даниил оправился в поисках союза против монгол¹⁰⁴. С этой целью он даже предлагал заключить брак своего сына Льва с дочерью венгерского короля¹⁰⁵. Таким образом, вместо того чтобы действовать с Михаилом как союзник, Даниил выступил как его соперник. Поэтому задача Даниила в Венгрии, видимо, заключалась в том, чтобы следить за переговорами Михаила и по возможности сорвать их. И Даниил добился своей цели: «Король не дал свою дочь замуж за Ростислав и прогнал его прочь»¹⁰⁶. А монголы в это время выполняли свою часть договоренности — уничтожали настроенные против Даниила галицко-волыньские города.

Михаил покинул Венгрию и отправился в Польшу в надежде договориться со своим дядей — мазовецким князем Конрадом. Даниил неотступно следовал за Михаилом. По сообщению галицкого летописца, он «пошел в землю Мазовецкую к Болеславу, сыну Кондрата [Конрада]», где и пробыл «пока не пришла весть, что ушли из Русской земли безбожные»¹⁰⁷.

Даниил вернулся в свое разоренное монголами княжество. Михаил, как уверяет галицкий летописец, послал к нему послов и, признавая свою неправоту, униженно просил его забыть старые обиды и клялся впредь никогда не враждовать с ним¹⁰⁸. В ответ Романовичи, в качестве компенсации потери Галича, «отдали» Ростиславу Луцк, а Михаилу «обещали» Киев и «разрешили ему ходить за данью по своей земле»¹⁰⁹. Очевидно, что Даниил не мог разрешить Михаилу ни собирать дань в черниговской земле, ни передать ему Киев т.к. не имел таких полномочий: Русь была захвачена монголами, и только они были ее полновластными хозяевами. Поэтому Даниил, делая предложение Михаилу, мог выступать только от лица Батыя. Монголы, пообещав Михаилу Киев и Чернигов, а его сыну — Луцк, хотели перед походом в Венгрию обезопасить свои тылы и не допустить возникновения антимонгольской коалиции с участием самого влиятельного русского князя.

О том, что никакой договоренности у Михаила с Даниилом не было, свидетельствует и то, что он, по словам галицкого летописца, «не показал

правды Даниилу и Васильку за их благодеяния» и не занял обещанный ему братьями киевский престол, что летописец Даниила объясняет его страхом перед татарами: «Михаил, боясь татар, не смел идти в Киев»¹¹⁰. Но страх перед «татарами» не помешал Михаилу вернуться на Русь, а через пару лет он добровольно отправился в ханскую ставку. Так что Михаил не занял Киев по более веской причине. Скорее всего, потому что на Киев уже возложил свою длань Ярослав Всеволодович, который в 1243 г. был назначен в Одре «старшим» среди русских князей¹¹¹.

Подтверждением того, что Даниил не заключал договор с Михаилом и уж тем более не выступал в качестве благодетеля, дарующего ему Киев и право сбора дани, служит тот факт, что Ростислав Михайлович уже в 1242 г. начал войну против Даниила за Галич¹¹². Новый этап этой войны продолжался три года и завершился только в 1245 г., когда в битве под Ярославом Ростислав и его венгерские и польские союзники были разбиты объединенным войском братьев Романовичей и половцев¹¹³.

Если бы победу одержал Ростислав Михайлович, то можно было бы говорить об объединении под властью Михаила галицкого, черниговского и киевского княжеств и создании мощного русско-венгерско-польского антимонгольского союза. Результатом поражения Ростислава в войне за Галич стало то, что Михаил вынужден был уехать в Орду договариваться с ханом, где и погиб, а его сын дальнейшую жизнь провел на службе у венгерского короля¹¹⁴.

Татищев ничего не сообщает о переговорах Михаила с Даниилом. В его интерпретации Михаил возвращается в Киев, когда узнает о том, что Батый ушел в Венгрию, но, «видя всю землю повоювану, град Киев разорен... идет в Чернигов на княжение»¹¹⁵.

После поражения сына в битве при Ярославле, Михаилу ничего не осталось, как признать свое поражение перед монголами и отправиться в ханскую ставку за получением ярлыка¹¹⁶. Источники единодушны только в том, что Михаил был казнен по приказу Батыя за отказ исполнить языческий обряд. Сведения о том, как был убит князь, кем и когда, противоречат друг другу. По Ипатьевской летописи Михаила «зарезали ножом»¹¹⁷. По Лаврентьевской — «закололи»¹¹⁸. Новгородский летописец и Плано Карпини утверждают, что Михаила забили до смерти, а потом отрезали голову¹¹⁹. Ипатьевская называет имя убийцы князя: «беззаконный Доман Путивлец»¹²⁰. Карпини считает, что Михаил был убит «телохранителем Батыя»¹²¹. То же касается и даты гибели Михаила. Источники называют три разных года: 1245, 1246 и 1247¹²².

Исходя из такой противоречивой информации, можно предположить, что источники опирались не на показания очевидцев, а на слухи. Тогда, возможно и не было никакой расправы, а Михаил умер своей смертью, что вполне могло случиться, учитывая преклонный возраст (67 лет) и выпавшие на его долю испытания. Причиной смерти мог стать сердечный приступ, на что указывает странный способ убийства князя, описанный в ряде источников: «били руками по сердцу»¹²³. Умудренные в дипломатии монголы использовали факт смерти Михаила, наступившей по естественным причинам, в своих политических целях. А для того, чтобы придать достоверность слуху о расправе за отказ подчиниться воле хана, убили боярина Фёдора. Если бы в Орде приняли решение об убийстве

князя, то вместе с ним целесообразнее было бы убить не боярина, а внука Михаила — княжича Бориса, также сопровождавшего его в этой поездке. Но, почему-то, Бориса Батый «отпустил к Сартаку, сыну своему. Сартак же, почтив князя Бориса, отпустил его восвояси»¹²⁴. А если в ставке хана почтение было оказано внуку, то, тем более, должно было быть оказано и его деду.

Если же рассматривать каноническую версию гибели Михаила Черниговского то она, скорее всего, обусловлена тем, что он был не только самым знатным из русских князей, но и располагал связями в Европе. Поэтому он представлял реальную военно-политическую угрозу. Это обстоятельство могло бы стать причиной того, что Михаила казнили. Но повод для расправы не должен был указывать на то, что она вызвана боязнью того, что вокруг Михаила объединятся антиордынские силы. Поэтому официальная причина казни — неуважение к языческим обрядам — оправдывала цели хана: устранить опасного соперника и внушить страх русской элите перед ордынской властью.

«Той же осенью... представился в иноплеменниках, идя от хановичей» великий князь владимирский Ярослав Всеволодович¹²⁵. По иронии судьбы, согласно владимирской летописи, оба прижизненных противника умерли в Орде, в один и тот же год и оба, возможно, насильственной смертью (если принять за истину версию Карпини об отравлении Ярослава)¹²⁶. Как в этой связи не припомнить пророческие евангельские слова, посвященные владимирским летописцем отцу Михаила Черниговского — князю Всеволоду Черемному?

Тела Михаила и погибшего с ним боярина Феодора первоначально были погребены в Чернигове, потом перенесены в Москву и здесь положены сначала на Тайницких кремлевских воротах (1572 г.) в посвященном обоим мученикам храме, потом — в Сретенском кремлевском соборе (1770 г.), наконец — в Архангельском соборе (1774 г.)¹²⁷

Убийство в Орде «сделало имя этого страдальца-князя священным и близким всей великой Руси...»¹²⁸ Посмертная слава Мстислава затмила имена его прижизненных соперников — Даниила Галицкого и Ярослава Всеволодовича, которые предпочли подчиниться ханской власти и стали вассалами завоевателей. Описанный в Житии Михаила подвиг имел огромное нравственное значение для древнерусского общества в первые годы монгольского ига: «Измученное страхом от неожиданных бедствий, а также и продолжавшимися неурядицами в политической жизни, оно отдыхало на рассказах о мужественной кончине св. князя, почерпало из этих рассказов уверенность, что не все потеряно, что внешней силе завоевателя можно еще противопоставить силу духа и веры, что можно погибнуть, но в ореоле мученика-победителя»¹²⁹. Спустя годы, эта мученическая смерть вдохновила Русь выйти на Куликово поле для того, чтобы совершить подвиг не только духовный, но воинский.

Примечания

1. ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений: в 8 томах. Т. 2, 3. История Российская. Т. 3. М. 1994, с. 121.

2. «В то же лето привел Святослав за Всеволода, за среднего сына, жену из Ляхов Казимировну». ПСРЛ. Т. 2. стб. 612.
3. Лаврентьевская летопись, л. 144об.
4. Там же.
5. Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство X—XV веков. / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М. 1993, с. 114.
6. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 184.
7. Лаврентьевская летопись, л. 144об.
8. Там же.
9. Там же, л. 145.
10. Там же, л. 145об.
11. Там же, л. 147.
12. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 185.
13. ПСРЛ. Т. 2, стб. 715. О том, что жена Михаила была сестрой Даниила Романовича, Галицко-Волынская летопись сообщает в рассказе о событиях 1238 г. ПСРЛ. Т. 2, стб. 782—783.
14. ВОЙТОВИЧ Л. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква: Олександр Пшонківський. 2006, с. 418—419.
15. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. ПСРЛ. Т. III. М.-Л. 1950, л. 79об.
16. Там же, л. 80.
17. «Всеволод, видя свое изнеможение, просил мира и, отрекшись Киева, целовал на том крест». — ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 190.
18. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., с. 192.
19. ПСРЛ. Т. 2, стб. 715.
20. Там же. Т. 1, л. 148, т. 7, с. 117; ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская. Т. III. М. 1994, с. 185.
21. «С тех пор ничто не нарушало этот союз с родом его жены, более того, он укреплялся не только дальнейшими династическими браками, но также военным и дипломатическим выступлением Юрия на стороне своего шурина. Ни в летописи Юрия, ни в какой другой мы не находим сообщений о каких-либо враждебных действиях, совершенных Юрием против Михаила или Михаилом по отношению к Юрию». ФЕННЕЛ ДЖ. Кризис средневековой Руси 1200—1304. М. 1989, ч. 109.
22. Лаврентьевская летопись, л. 155.
23. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., 221.
24. Житие Ефросинии Суздальской. В кн.: КЛОСС Б.М. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XV—XVI вв. М. 1998, с. 381—382.
25. Там же, с. 374.
26. ПСРЛ. Т. 2, стб. 741, т. 7, с. 130.
27. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., 215.
28. Еще один раз Михаил упомянут в Житии святого Никиты Столпника, которому приписывают чудо исцеления в 1186 г. семилетнего сына Всеволода Черемного от тяжелой болезни. ПСРЛ Т. 21. СПб. 1908, с. 248—249.
29. ЗОТОВ Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб. 1892, с. 67.
30. ФЕННЕЛ ДЖ. Ук. соч., с. 107.
31. НПЛ, л. 146об.
32. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., 214.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же.
36. КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского: в 12 томах. Т. III. СПб. 1818, с. 244.
37. Лаврентьевская летопись, л. 154об.
38. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., 220.
39. Там же.
40. ПСРЛ. Т. 7, с. 93.
41. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., 220.

42. ГОРСКИЙ А. А. Русские земли в XIII—XIV вв.: путь политического развития. М. 1996, с. 8—9.
43. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч., 220.
44. ПСРЛ. Т. 2, стб. 774.
45. Там же, стб. 753. Тут содержится ошибка: отец Даниила — князь Роман Мстиславович — постриг в монахи не отца Михаила, князя Всеволода Черемного, а отца Владимира — князя Рюрика Ростиславича. Последний был противником Всеволода Черемного и воевал с ним из-за Киева. Таким образом, указанный мотив не объясняет причину, по которой Михаил присоединился к походу на Кременец.
46. КАРАМЗИН Н. М. Ук. соч., с. 256.
47. Там же. Т. 2, стб. 753.
48. Там же.
49. Там же, стб. 786.
50. БАРСОВ Н. П. Очерки русской исторической географии: география начальной (Несторовой) летописи. Варшава. 1885, с. 287—290.
51. НПЛ, л. 107—107об.
52. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч., 223.
53. НПЛ, л. 107об.
54. Там же, л. 108.
55. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч., 224.
56. КАРАМЗИН Н. М. Ук. соч., с. 257.
57. НПЛ, л. 108—108об.
58. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч., 224.
59. НПЛ, л. 109—109об.
60. КАРАМЗИН Н. М. Ук. соч., с. 258.
61. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч., 225.
62. НПЛ, л. 111об. —112.
63. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч., 226.
64. НПЛ, л. 110—110об.
65. Там же, л. 112об.
66. Там же, л. 115—116.
67. ПСРЛ. Т. 10, с. 102—103.
68. Лаврентьевская летопись, л. 159—159об.
69. КАРАМЗИН Н. М. Ук. соч., с. 263.
70. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч., с. 229.
71. Там же.
72. НПЛ, л. 119.
73. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч., 229—230. Новгородский летописец сообщает, что множество галичан было убито, а сам Даниил «едва ушел». НПЛ, л. 119об.
74. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч., 230.
75. Там же.
76. НПЛ, л. 120.
77. ПСРЛ. Т. 2, стб. 772.
78. Там же.
79. Там же, стб. 777.
80. В именном перечне киевских князей, «княживших в Киеве до избитья Батыева», помещенном в начале Ипатьевского и Хлебниковского списков, нет упоминания о Михаиле Всеволодовиче, Т. 2, стб. 2.
81. В «Повести о разорении Рязани Батыем» сообщается, что рязанский князь Ингварь Ингоревич во время нашествия Батыя «был в Чернигове у брата своего, князя Михаила Всеволодовича Черниговского». См.: Повести о разорении Рязани Батыем. В кн.: Воинские повести Древней Руси. Л. 1985, с. 111.
82. ПСРЛ. Т. 2, стб. 777.
83. Лаврентьевская летопись, л. 163—163об.
84. «Ярослав же... придя из Киева, сел на столе во Владимире...» ПСРЛ. Т. 7, с. 143.
85. Там же, л. 128.
86. Там же, стб. 781.

87. Раскопками установлено, что Михайловский собор Переяславля имел размеры 27,6X33 м. См.: Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев. 1986, с. 284.
88. «На протяжении всего древнерусского периода — до половины XIII в. — Переяславль оставался главным форпостом Руси на Левобережье Днепра в борьбе со степными кочевниками. В стратегическом отношении он занимал второе место после Киева в Среднем Поднепровье». См.: Археология Украинской ССР. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев. 1986, с. 281.
89. ПСРЛ. Т. 2, стб. 777.
90. ФЕННЕЛ ДЖ. Ук. соч., с. 139.
91. Владимирский летописец сообщает, что взятию монголами Чернигова предшествовал поход Ярослава на Каменец: «Ярослав пошел к Каменцу, город взял Каменец, а княгиню Михайлову со множеством пленников привел к себе». Лаврентьевская летопись, л. 164об.
92. Владимирский летописец рассказывает, что при взятии Москвы монголы взяли в плен младшего сына великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича. В начале осады Владимира они показали пленного князя защитникам города: «И потом сказали татары Владимирам: Не стреляйте. Они же перестали. И приехали близко к воротам, и начали татары говорить: Узнаете ли княжича вашего Владимира? О, тяжелое для чувств зрелище и слез достойное! Всеволод и Мстислав с дружиной своей и все горожане плакали, видя Владимира!». Лаврентьевская летопись, л. 160—160об.
93. ПСРЛ. Т. 2, стб. 782—783.
94. Там же. Т. 10, с. 115—116.
95. Там же.
96. ФЕННЕЛ ДЖ. Ук. соч., с. 122.
97. ПСРЛ. Т. 2, стб. 782.
98. Там же, стб. 784.
99. Софийская I и Новгородская IV летописи сообщают, что после взятия Чернигова монголы «... пришли к Киеву с миром, и смирившись с Мстиславом [Мстислав Глебович Черниговский] и Владимиром [Владимир Рюрикович Смоленский] и с Даниилом [Даниил Романович Галицкий]», т.е. рассчитывали на сдачу Киева, получив заверения в покорности от всех русских князей, включая Даниила Галицкого, до чьих владений они еще не дошли». ПСРЛ. Т. 5, с. 175, т. 4, с. 35.
100. Там же. Т. 2, стб. 782.
101. Как сообщает доминиканский миссионер брата Юлиан: «Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан». В доказательство Юрий передал Юлиану письмо, отобранное у захваченных во владениях великого князя Владимирского послов Батые к венгерскому королю. В нем Батый требовал, чтобы Белла IV покорился ему, в противном случае угрожая войной. Юлиан доставил это послание адресату. См.: АННИНСКИЙ С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе. В кн.: Исторический архив. Т. III. М.-Л. 1940, с. 88.
102. «Убиен был Батый от короля Угорского». Житие Ефросинии Суздальской. В кн.: КЛОСС Б.М. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XV—XVI вв. М. 1998, с. 398.
103. ПСРЛ. Т. 2, стб. 787.
104. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. 4, с. 11.
105. Там же, с. 20.
106. Там же. Т. 2, стб. 783.
107. Там же, стб. 788.
108. «Я много раз грешил перед вами, много раз делал тебе зло. Что тебе обещал, того не сделал. Если хотел жить в согласии с тобой, коварные галичане мне не давали. Сейчас же клятвой клянусь тебе, что никогда не буду с тобой вражды иметь». ПСРЛ. Т. 2, стб. 783.
109. Там же, стб. 783.
110. Там же.

111. Батый называет приехавшего к нему на поклон Ярослава «старейшим среди всех князей в русском народе», что означает обладание Киевом. Лаврентьевская летопись, л. 165.
112. В связи с этим, галицкий летописец приводит слова Кирилла-печатника — наместника Даниила в Бакоте
113. ПСРЛ. Т. 2, стб. 803—804.
114. «Ростислав, зять Короля Белы, остался в Венгрии и, получив в Удел от своего тестя Банат Маховский (в Сервии), назывался Государем сей области, Герцогом Болгарии и повелителем Славонии (Rex de Madschau, dux et Imperator Bulgariae et Banus totius Sclavoniae). От сыновей его, Белы и Михаила, пошли Герцоги Маховские и Боснийские; сестра же их совокупилась браком с Лешком Черным, Герцогом Польским. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. IV, с. 38.
115. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., т. 5—6, с. 35.
116. ПСРЛ. Т. 2, стб. 795.
117. Там же, стб. 808.
118. Лаврентьевская летопись, л. 165.
119. НПЛ, л. 171; КАРПИНИ П. История Монголов // Рубрук Вильгельм, Карпини Иоанн Плано. История Монголов / Путешествие в восточные страны СПб.: Тип. А.С. Суворина. 1911, с. 8.
120. ПСРЛ. Т. 2, стб. 795.
121. КАРПИНИ П. Ук. соч., с. 8.
122. Первая дата приводится, например, в Галицко-Волынской и Новгородской I, (ПСРЛ. Т. 2, стб. 795, т. 3, л. 171). Вторая — в Лаврентьевской и Воскресенской летописях (ПСРЛ. Т. 1, л. 165, т. 7, с. 152). Третья — в Холмогорской и Устюжской летописях (ПСРЛ. Т. 33, с. 30, т. 37, с. 69).
123. НПЛ, л. 170об.
124. Лаврентьевская летопись, л. 165.
125. Там же.
126. КАРПИНИ П. Ук. соч., с. 57.
127. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А.А. Половцова. Т. 22. СПб. 1905, с. 246.
128. СЕРЕБРЯНСКИЙ Н.И. Древнерусские княжеские жития. М. 1915, с. 32.
129. Там же, с. 38.